

DOI: 10.31857/S0869049923010021
EDN: NBCZTP

Оригинальная статья / Original article

Концепция ресентимента и современность: в поисках ускользающего «компаратора»¹

© Л.Г. ФИШМАН

Фишман Леонид Гершевич, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия),
lfishman@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5062-8291

В статье рассмотрена трансформация использования понятия ресентимента в политической борьбе. Показано, что изначально эта концепция была сформулирована скорее с правых идеологических позиций, чтобы «разоблачать» якобы «истинную» подоплеку действий и идеологием левых и прогрессивных сил. Однако со временем левые и либералы также взяли ее на вооружение. Они начали находить у оппонентов почти все те черты, в которых их обвиняют правые. Представлены причины, которые сделали возможным такой разворот концепции. Обращено внимание на то, что оба правых классика ресентимента (Ф. Ницше и М. Шелер) ссылаются на понятия нормативности, нормальности, образцовости, некоего естественного порядка. Образец такой нормативности, вымышленный ницшевско-шелеровский аристократ, служит в базовой концепции ресентимента примером «господина» и объектом для сравнения, «компаратором». Однако в современных обществах такого общепризнанного господствующего социального субъекта нет. На его место претендуют различные политические силы и социальные группы. Таким образом, все противоборствующие стороны получают возможность уличать друг друга в ресентименте, и правая монополия на использование этой концепции оказывается разрушенной.

Ключевые слова: господин, левые, правые, ресентимент, Ф. Ницше, М. Шелер, «компаратор»

Цитирование: Фишман Л.Г. (2022) Концепция ресентимента и современность: в поисках ускользающего «компаратора» // Общественные науки и современность. № 1. С. 20–33. DOI: 10.31857/S0869049923010021, EDN: NBCZTP.

¹ В данной статье используется встречающееся в зарубежной литературе слово *comparator*, которое означает образец, отсылающий к определенной социальной позиции, символизирующей «нормальность». На него должны ориентироваться члены общества, чтобы достигнуть необходимой степени успешности.

The Concept of Ressentiment and Modernity: In Search of Elusive Comparator

© L. FISHMAN

Leonid G. Fishman, Institute of Philosophy and Law, UrB RAS (Ekaterinburg, Russia), lfishman@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5062-8291

Abstract. This article examines the transformation of the resentment concept in political struggle. Originally, the concept of resentment emerged from right-wing ideological positions and was used to «expose» the supposedly «true» background of the actions and ideologies of left-wing and progressive forces. However, over time leftists and liberals also adopted it. They started finding in their opponents almost all the same features that the right accused them of having. The reasons that made this reversal possible are analyzed. The attention is drawn to the reference to normativity, normality, exemplarity, a certain natural order from both right-wing classics of the concept of resentment (F. Nietzsche and M. Scheler). The example of this normativity, the fictitious Nietzschean-Schlerian aristocrat, serves in the basic concept of resentment as an example of «master» and an object of comparison, a comparator. In modern societies, however, there is no such universally recognized superior social subject. Various political forces and social groups qualify for his place. Thus, all adversaries get the opportunity to accuse each other of resentment, and the right-wing monopoly on the use of this concept is overtaken.

Keywords: master, left, right, resentment, F. Nietzsche, M. Scheler, comparator

Citation: Fishman L. (2022) The Concept of Ressentiment and Modernity: In Search of Elusive Comparator. *Obshchestvennyenauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 20–33. DOI: 10.31857/S0869049923010021, EDN: NBCZTP.

Введение

Сегодня представители политических сил противоположной идеологической направленности нередко обвиняют друг друга в ресентименте. В нем с равным успехом уличают как старых и новых левых, так и правых популистов, сторонников Трампа и т. д. Подобная ситуация наблюдается в супердержавках вроде США, где взаимные обвинения в ресентименте стали привычной частью соперничества демократов и республиканцев. Она сложилась и в небольших государствах вроде Венгрии, где на протяжении многих лет правые и левые обличали ресентимент друг друга в двух областях. Каждая из противоборствующих сил сосредоточилась в основном на одной из них: правые концентрировались на культуре, а левые – на партийной политике [Balázs 2021, 234]. Следует обратить внимание на то, что такое положение сложилось относительно недавно. Концепцию ресентимента обычно ассоциируют со взглядом на социальную реальность со стороны правых. Изначально и до сих пор к ней обращались правые мыслители и публицисты, чтобы «разоблачать» левых, революционеров, либералов. Однако в последние десятилетия левые (леволиберальные) авторы стали активно использовать ее, чтобы обличать теперь уже правых популистов и реакционеров². Как такая ситуация стала возможной? Почему данная идея превратилась в обоюдоострое оружие?

² Понятие «правый» здесь и далее используется в широком смысле – как позиция сторонников консервации существующих социально-политических порядков и сохранения положения тех социальных групп, которые сами для себя выглядят образцами социальной нормативности. Соответственно, термин «левый» обозначает по-

Правое оружие в правой руке

Концепция ресентимента³ изначально формулировалась как вполне однозначная правая позиция, если не прямо «реакционная». Убедиться в этом можно, обратившись к работам ее основателей – немецких философов Ф. Ницше и М. Шелера.

Дискурс о ресентименте у Ф. Ницше фокусируется на ущербной во всех отношениях личности низкого социального происхождения. Ей он противопоставляет личность благородную, гармоничную, сильную – образец человека, который должен выступать в качестве объекта для подражания. Для Ницше типично возводить хорошее к аристократическому, а плохое ассоциировать с плебейским: «Ориентиром, выводящим на правильный путь, стал мне вопрос, что, собственно, означают в этимологическом отношении обозначения “хорошего” в различных языках: я обнаружил тут, что все они отсылают к одинаковому преобразованию понятия – что “знатный”, “благородный” в сословном смысле всюду выступают основным понятием, из которого необходимым образом развивается “хороший” в смысле “душевно знатного”, “благородного”, “душевно породистого”, “душевно привилегированного”: развитие, всегда идущее параллельно с тем другим, где “пошлое”, “плебейское”, “низменное” в конце концов переходит в понятие “плохое”» [Ницше 1990, 418]. Ницше пишет о «высокородных» людях, которые чувствуют себя счастливыми, потому что они «позитивны», активны, не лгут себе [Ницше 1990, 453], – в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей» [Ницше 1990, 426]. Такие индивиды – крепкие и цельные натуры, «в которых преизбыточествует пластическая, воспроизводящая, исцеляющая и стимулирующая забывчивость сила (хорошим примером этому в современном мире является Мирабо, который был начисто лишен памяти на оскорбления и подлости в свой адрес и который лишь оттого не мог прощать, что – забывал)» [Ницше 1990, 426]. «Активный, наступательный, преступательный человек все еще на сто шагов ближе к справедливости, нежели реактивный... От того фактически во все времена агрессивный человек, в качестве более сильного, более мужественного, более знатного, обладал и более свободным взглядом, более спокойной совестью...» [Ницше 1990, 453]. В случае, если у благородного человека и проявляется ресентимент, он быстро исчезает и не отравляет его. Идеализированному аристократу противопоставлены люди *ressentiment*: «эти физиологически увечные и истощенные червями существа» [Ницше 1990, 494], которые придумали самую «нечистую совесть». Наличие отталкивающих черт в аристократах приписывают негативному влиянию низов. «Рабское» в иерархии ценностей Ницше – это низкое в самих верхах, результат проникновения худших психологических свойств политически пассивной массы в господский менталитет: «“светская чернь”, “мещанство во дворянстве”, “дикие помещики”, “смесь французского с нижегородским” и т. д.» [Диденко 2012, 82]. Согласно ницшевской концепции ресентимента, если индивид долго испытывает характерные для него чувства, то он, несомненно, «раб», ущербный человек, и ему должно быть стыдно признаваться в самом наличии этих чувств.

Отдельно следует указать, что, согласно классической концепции ресентимента, люди ресентимента не могут иметь правильного представления о справедливости, так как они

зицию сторонников изменения существующих социальных порядков, которые выступают от имени ранее ущемленных и дискриминируемых социальных групп, обладателей новой нормативности.

³ Ресентимент – феноменальное единство переживаний и действия, обусловленное бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью «отомстить» виновникам перманентного унижения.

возмущены несправедливостью, подвержены чувству негодования, желанию отомстить. Как замечает А. Прокофьев, «в современной этической мысли... первичный импульс мстительности (и в определенной мере – первичный импульс зависти) является а) универсальной энергетической основой чувства справедливости, б) структурным прообразом этого чувства... тот, кто не имеет способности к первичным мстительным переживаниям, оказывается лишен возможности превратиться в справедливого человека. Он может стать гением альтруистического служения другим людям, но опыт справедливости будет знаком ему только внешне» [Прокофьев 2013, 190]. Ницше же всячески стремится отделить чувство справедливости от ресентимента, описывая его исключительно как реактивную месть, а справедливость – как безэмоциональное дистанцирование от всяческой субъективности и личной обиды. Понятно, что при такой постановке вопроса истинное чувство справедливости ведомо только аристократам, которые не склонны к мстительности. Именно они и формулируют объективные законы, которым людям ресентимента остается лишь безоговорочно подчиняться: «для людей ресентимента безоговорочное исполнение закона (каким бы он ни был по своему содержанию), а равно основанные на законе оценки представляют собой максимум совершенства. Они, имея неограниченную склонность к мести, подвергаются жесткому воспитательному воздействию, чтобы стать в минимальной степени мстительными. Однако для тех, кто создает законы, последние имеют характер “частных средств” выражения воли к власти, их содержание задано целью усиления воли к власти. Для представителей “активных и агрессивных сил” правовые ситуации являются “исключением”, а нарушение закона может оказаться столь же ценно, как и его соблюдение, если, конечно, нарушение не вызвано приступом реактивных аффектов» [Прокофьев 2013, 191]. Иными словами, для аристократа закон – который он, может быть, сам и сформулировал – не писан, а писан он только для черни. Именно такое представление о справедливости вытекает из классической концепции понимания ресентимента.

Философу во многом вторит М. Шелер. Он трактует ресентимент как «самоотравление души, имеющее вполне определенные причины и следствия. Оно представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение известных душевных движений и аффектов, самих по себе нормальных и относящихся к основному содержанию человеческой природы, – запрета, порождающего склонность к определенным ценностным иллюзиям и соответствующим оценкам. В первую очередь имеются в виду такие душевные движения и аффекты, как жажда и импульс мести, ненависть, злоба, зависть, враждебность, коварство» [Шелер 1999, 13–14]. Ресентимент возникает там, где «особая сила этих аффектов идет рука об руку с чувством бессилия от невозможности претворить их в поступки, и поэтому их “сдерживают, закусив губу”, – из-за физической или духовной слабости, из страха и трепета перед тем, на кого направлены аффекты. Почва, на которой произрастает ресентимент, это прежде всего те, кто служит, находится под чьим-то господством, кто понапрасну прельстился авторитетом и нарвался на его жало» [Шелер 1999, 18].

Как и Ницше, Шелер считает ресентимент отрицанием естественного, жизнеутверждающего, подлинного, «аристократического» начала. Важное место в его концепции занимает представление о некоем «вечном ранговом порядке ценностей» и «соответствующих ему аксиоматически ясных законах предпочтения, которые столь же объективны и столь же “очевидны”, как и истины математики. На данном порядке основана подлинная нравственность. «Ресентимент же – источник переворотов в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь» [Шелер 1999, 56] (Р. Генон, который упоминается в связи с этим пасса-

жем Шелера, тот же самый порядок вещей называет «нормальным»⁴). Из высказываний Шелера по данному поводу можно заключить, что для него вечному ранговому порядку ценностей в социальном смысле наиболее близок феодально-сословный порядок со всеми вытекающими следствиями.

Концепцию ressentiment Шелера во многом можно считать инвариантом концепции Ницше, основанной на противопоставлении аристократов и плебеев. Данная тенденция заметна даже в том пункте, в котором, как считают, позиция Шелера противоречит позиции Ницше – в вопросе о сущности христианства. Шелер (в отличие от Ницше) не считал подлинный дух христианства проявлением ressentiment. Несмотря на это, обнаруживается «странная связь между Ницше и Шелером в том смысле, что то, что Шелер называет истинной неизвращенной христианской любовью, имеет несколько общих черт с чистой ницшеанской “белокурой бестией”: жизненность, благородство духа и, прежде всего, склонность быть “активным”, а не “реактивным”. Когда Шелер порицает буржуазную современную этику – например, выраженную в социальном чувстве или альтруизме, – и призывает к любви, которая проистекает “из изобилия силы, благородства и жизненной силы”, в нем прослеживаются следы определенного позднеромантического аристократизма»⁵.

Философ рассуждает о целостном чувстве собственного достоинства, свойственном «благородному человеку», которое не «складывается» из особых чувств, основанных на ценности его отдельных качеств, способностей, дарований, а «составляет скорее саму его сущность и бытие». «Напротив, глубинный корень “подлости” (в точном смысле слова) заключается в том, что ощущение собственного достоинства и достоинства другого основано только на схватывании отношения между собственной ценностью и ценностью другого, а также в том, что вообще ясно осознаются только те качества, которые представляют собой “возможные” дифференцирующие значения между собственной ценностью и ценностью другого. “Благородному человеку” ценности даны в переживании до сравнения; подлый переживает их впервые лишь в сравнении и через его посредство» [Шелер 1999, 28–29]. Данный пассаж может показаться нейтральным, однако очевидно, что мнение представлено с точки зрения «благородного» – индивида, которому нет нужды (во всех смыслах) глядеть на другого с точки зрения «больше», «меньше», «выше», «ниже». Позиция Шелера – это в конечном счете позиция аристократа в морали, что видно и из последующих его рассуждений, которые должны выявить подоплеку современных взглядов на собственность. «Согласно их взглядам, – утверждает Шелер, – право собственности происходит из трудовой обработки вещей, а не из захвата или чего-то еще. Ясно, что этот новый масштаб ведет к радикальной критике существующего порядка собственности, поскольку право собственности исторически восходит к захвату, войне и дарению, к праву первородства и т. д. Все наследственное право, базирующееся на этих предпосылках, становится в принципе уязвимым, раз его нельзя представить как чисто техническое средство

⁴ «Поскольку “западное сознание” сложилось только в ходе недавнего периода истории, то и о противоположном, сугубо “восточном сознании”, можно говорить лишь применительно к настоящему времени. Изначально же это “восточное сознание” было поистине присуще как людям Востока, так и людям Запада, так как его происхождение совпадает с происхождением самого человечества. Таким образом, его вполне можно назвать “нормальным сознанием” уже потому, что оно в большей или меньшей степени лежало в основе всех известных нам цивилизаций за одним лишь исключением – цивилизации современного Запада». См.: Генон Р. Кризис современного мира. lib.ru. (<http://lib.ru/POLITOLOG/genon.txt>).

⁵ Bondi D. (2021) Victimism as the contemporary form of ressentiment. The paradoxically Christian roots of our culture's secular morality. *Dialegethai. Rivistatelematica di filosofia* [online], vol. 23. 31.07.2022. (<https://mondodomani.org/dialegethai/>).

распределения вещей, наиболее целесообразное с точки зрения плодотворного труда над ними... Разве не очевидно, что в основе этой “теории” лежит зависть трудящихся классов к тем группам, которые получили собственность не ценой труда, что как раз поэтому их право собственности и объявляется либо принципиально иллюзорным, либо всего лишь результатом насилия, так что лишить их его – якобы “справедливое” дело?» [Шелер 1999, 155].

Шелер считал, что в былом сословном социальном порядке происходила «осмысленная селекция лучших», что соответствовало «живой природе аристократии». Остатки этой системы были выброшены на свалку истории, чтобы «гешефт можно было делать еще лучше». В итоге общество атомизировалось, а «вместо “сословия” – понятия, в котором групповое единство определяется благородной кровью и традицией, – появляется пустое понятие “класса”, то есть группы, объединенной на основе собственности, так называемого “образования” и известных модных нравов» [Шелер 1999, 183].

Вне зависимости от того, насколько описываемый Ницше и Шелером облик идеальной аристократии соответствует реальному положению дел, следует обратить внимание на то, что оба правых классика концепции ресентимента регулярно отсылают к нормативности, нормальности, образцовости, некоему естественному порядку и т. д. В современности именно данная особенность приведет к трансформации использования концепции ресентимента.

Следует отметить, что авторская интерпретация классической концепции ресентимента не претендует на исчерпывающий характер. В первую очередь она имеет критическую природу, что подразумевает дистанцирование от того, что сами создатели классических концепций думали об обнаруженном ими феномене. Автор заранее согласен с замечанием о том, что воззрения Ницше и Шелера значительно сложнее, чем они здесь представлены. В рамках данной статьи рассматривается не только то, что концепция ресентимента и сам ресентимент представляют собой в толковании Ницше и Шелера. Предметом исследовательского интереса выступает сама специфика трактовки, при которой ресентимент обнаруживают там, где другой, быть может, нашел бы нечто иное – праведное негодование, объяснимое желанием отомстить, объективно обусловленное бессилие и т. д., но не специфический феномен ресентимента во всей его сложности. В исследовании наибольшее внимание уделено тому аспекту классической концепции, у которого существует прямая преемственность с современным взглядом (правого или левого толка), обнаруживающим ресентимент. Соответственно, сделан акцент на ницшевско-шелеровской фигуре аристократа как вымышленном нормативном образце, с точки зрения которого другие социальные ориентации рассматриваются как позиции носителей ресентимента.

В современной интерпретации характерной чертой правой концепции ресентимента, которая в общих чертах совпадает с классической, стал упор на психологизм, склонность к деполитизации социальных вопросов. Когда же определенный вопрос политизируют, это происходит в антидемократическом духе с отсылкой к мифическому «здоровому» псевдоаристократическому этосу успешных людей. Обвинение в ресентименте по-прежнему представляет собой излюбленный прием правых – особенно когда они ставят себе цель «разоблачить» левых. Современные правые обычно отсылают к психологическим аспектам концепции ресентимента Ницше: они критически анализируют леволиберальные риторики виктимности и разделяют (в своем специфическом стиле) ресентимент на полезный и нетерпимый. Так, например, Р. Скрутон считает, что «ресентимент – это, конечно, не очень хорошее чувство как для того, к кому его испытывают, так и для того, кого оно охватило... Для политического тела ресентимент – это как боль для живого тела: плохо ее испытывать, но хорошо иметь возможность ее ощущать. Ведь без такой способности мы не выживем. Поэтому у нас не должен вызывать раздражение тот факт, что мы раз-

дражаемся. Нужно принять его в качестве особенности человеческого состояния и управлять этим чувством наряду с остальными радостями и горестями. Однако resentment может стать определяющей эмоцией и общественной идеей и в результате высвободиться из тех уз, которые обычно его сдерживают. Это случается, когда resentment теряет свой специфический объект и переключается на общество в целом. Такая ситуация, как мне кажется, всегда имеет место, когда левые движения берут верх. Resentment перестает быть реакцией на чей-то незаслуженный успех и вместо этого становится экзистенциальной позицией человека, преданного миром» [Скрутон 2021, 29–30].

Иными словами, сам по себе resentment полезен как признак проблем, но вредны попытки сделать его влиятельной идейной и политической силой, которые как раз и позволяют ощущать социальную боль именно как социальную боль, а не совокупность индивидуальных переживаний, каждому из которых можно найти индивидуальное же объяснение и на этом основании пренебречь ими. Можно страдать и возмущаться сколько угодно, но не надо осмыслять свое страдание и, тем более, строить на этом некие ложные теории, чреватые тоталитаризмом. Достаточно уже существующих верований, традиций и законов («устоявшейся культуры семьи, предпринимательства, Бога и флага» [Скрутон 2021, 109]), остальные представляют собой вредный resentment.

Правый взгляд на resentment и сейчас в целом воспроизводит логику Ницше и Шелера, равно как и «риторику реакции» [Хиршман 2010] в целом. Он считает любое недовольство, ведущее к переоценке ценностей, протесту, формулированию эмансипирующих, революционных и прогрессистских идеологем, плодом зависти аутсайдеров к успешным людям – resentmentом. В то же время для него характерно также описывать и откровенно правые, фашистские движения как вызванные resentmentом⁶, потому что их динамика обусловлена демократическими и эгалитарными социальными процессами. В трактовке правых концепция resentmentа, как утверждает М. Оуденпсен, сводит механизм политики к грубому психологизму и таким образом служит для снижения влияния идей. Во «вселенной resentmentа Шелера и тер Браака» законные политические притязания можно отличить от resentmentа только по их конструктивному и практическому характеру. Концепция resentmentа предназначена для подавления политического. Она ставит под сомнение любое утверждение, которое выходит за рамки существующей политической парадигмы. Понятие resentmentа «продолжает подразумевать недоверие к демократии и эгалитаризму, оно подразумевает исключение масс, поскольку они не считаются достаточно рациональными, чтобы выдвигать законные политические претензии, незапятнанные resentmentом» [Oudenampsen 2018, 183].

Правое оружие в левой руке

Однако со временем левые и либералы также взяли на вооружение концепцию resentmentа. Они начали находить у оппонентов почти все те же черты, в наличии которых их обвиняют правые – неискренность и риторику виктимности. Левые ухватились за другой конец этого изначально правого идейного орудия, указывая на то, что комплекс чувств и практик, характерный для многих правых, приводит к реальному бессилию, да и вообще не призывает к действиям. Следовательно, именно он и заслуживает названия resentmentа.

Условная леволиберальная позиция рассматривает resentment в основном как стабилизирующий фактор в консервативном – если не реакционном – смысле этого слова. В частности, дискурс о resentmentе способствует деполитизации в той степени, в кото-

⁶ Так еще в 1930-е гг. объяснял возникновение национал-социализма нидерландский публицист М. тер Браак.

рой он объясняет социальные и политические явления в психологических категориях. В оптике левых исследователей ресентимент выступает безопасной для существующего порядка вещей стратегией сокрытия от себя самого настоящих (объективных социально-экономических) причин своих бедствий через перенос тайного стыда от потери былого статуса на другие социальные группы (женщин, цветных, мигрантов и т. д.), что и является содержанием правого популизма.

Левые, в частности немецкая исследовательница Р. Джегги, рассматривают концепцию ресентимента как инструмент для анализа роста «антигендерных, антимигрантских, антиэгалитаристских, антидемократических, гомо- и трансфобных, маскулинистских, а также антисемитских и антимусульманских настроений». Обращение к концепции ресентимента призвано помочь ответить на вопрос о том, почему множественные кризисы капитализма, неолиберализма и т. д. ведут не к освободительным движениям, а к «реакционным, авторитарным и фашистским тенденциям». Помимо прочего, она объясняет, почему авторитарные и правые популистские движения «тратят непропорционально много политической и эмоциональной энергии на дискредитацию так называемой леволиберальной культурной элиты или политики меньшинства». Движения, подпитываемые ресентиментом, таким образом, описывают как симптомы всеобъемлющего кризиса, и они выглядят не просто аморальными и возмутительными, но несводимыми к неожиданному и случайному отступлению от ««прогрессивных» достижений» [Jaeggi 2019].

В левом дискурсе ресентимент рассматривают как черту правого популизма, что отличает его от комплекса чувств, присущих участникам левых движений. И левые, и правые популисты, формулируя свои программы, могут отталкиваться от почти идентичных эмоций своих сторонников. Разница лишь в том, на какой объект эти эмоции потом направляют. Так, М. Сальмела и К. фон Шеве считают, что правые популисты используют такие негативные чувства, как страх, бессилие, неуверенность, бесполезность или стыд, чтобы разжигать недовольство среди своих сторонников. Левые же популисты применяют стратегии, которые способны «превратить эти чувства в негодование без участия ресентимента». Сторонники правых популистов, предполагают исследователи, испытывают тайный стыд из-за реальной или угрожающей утраты статуса, подрыва своей социальной идентичности, обусловленного рядом объективных экономических и политических факторов. Правый популизм связан с эмоциональным дистанцированием от стыда и других негативных эмоций (страх, бессилие, никчемность), тогда как левые популисты принимают и пытаются поддержать «ненадежные идентичности», несмотря на негативные эмоции, которые они генерируют. Иными словами, левые пытаются помочь угнетенным и поддержать их, тогда как правые ищут козла отпущения в лице определенных социальных групп, которых они винят в относительном снижении своего благосостояния и статуса. Их негативные эмоции гнева, негодования и ненависти не разбавлены позитивными и жизнеутверждающими чувствами, в результате чего они и трансформируются в ресентимент. В то же время левые испытывают не только гнев, возмущение и негодование, но и «гордость, радость и надежду, как в различных гражданских движениях за права» [Salmela, von Scheve 2018], что исключает их злокачественное ресентиментное перерождение.

Для правых ресентимент опасен, так как он выступает источником переворотов и негативной динамики в целом, а для левых – потому что он препятствует прогрессу. Ресентимент, утверждает К. Келли, «служит препятствием для движения вперед, потому что он направляет взгляд субъекта назад, привязывая себя к размышлениям о прошлых травмах» [Kelly 2020, 6]. Его описывают как «горький ретроспективный взгляд», который «чувствует себя как дома в реакционности» и ориентирован на возвращение воображаемого прошлого. Возврат к традиционным ценностям в ресентиментном реакционизме носит

скорее сентиментальный, чем идеологический характер. Поскольку ресентимент выступает защитной реакцией на культурные изменения, человек ресентимента противопоставляет себя «постматериалистическим ценностям мультикультурализма и равенства и позиционирует себя против (пост)модернизации», склонен поддерживать популистов и подвержен воздействию постправды [Capelos, Demertzis 2022, 112]. В отличие от националистической гордости и связей социальной сплоченности, ресентимент не способен вызывать подлинный дух единения. Охваченным им индивидам «не хватает чуткой общности», они не ощущают себя частью коллектива. Узы ресентимента слишком слабы и не могут эффективно сплачивать социальные группы [Capelos, Demertzis 2022, 113]. Иными словами, характерная черта ресентимента – бессилие – ярче всего выражается как раз в его правом обличии, потому что он не способен создать действительно устойчивые социальные связи, объединить людей вокруг позитивных и реальных общих целей. В частности, данная характеристика проявляется в том, что правая ресентиментная риторика – так же, как и левая – отталкивается от виктимности своего субъекта. К. Келли на примере риторики Д. Трампа убедительно показывает, какую роль в ней играет, во-первых, попытка выставить белых жертвами политики толерантности, мультикультурализма, политкорректности, позитивной дискриминации и т. д., и, во-вторых, самописание Трампа как жертвы постоянных нападок и интриг врагов (данную стратегию перенимают и левые либералы, поскольку в их дискурсе виктимность тесно связана с добродетелью). Таким образом, риторика обиды и негодования превращается в собственно риторику ресентимента: «Трампу удастся выдерживать обвинение в враждебности, не уступая при этом морального превосходства жертвы “угнетателям” своей аудитории – демократам, прессе, преступникам, иммигрантам, иностранным противникам, получателям пособий, движению #MeToo, “глобалистам” и расовым Другим. Поэтому он может осуществлять власть от имени своего электората, не отказываясь от своих притязаний на моральное и эмоциональное возмущение слабых» [Kelly 2020, 6]. Словом, в леволиберальной теоретической оптике обращение к концепции ресентимента объясняет то, «как доминирующие группы сдерживают прогрессивное расширение общественной морали, принижая само понятие гражданской добродетели» [Kelly 2020, 8].

Связано ли то, что левые и леволиберальные авторы перенимали концепцию ресентимента, с их вхождением в истеблишмент, вследствие чего они усваивают изначально правый деполитизирующий взгляд на социальную реальность? Или данная трансформация обусловлена практикой самих правых, которые теперь также описывают себя и свой электорат в категориях виктимности? Может быть, происходит обычное для ситуации возникновения ресентимента явление, когда сближающиеся социальные группы испытывают его по отношению друг к другу ввиду того, что у них остаются реальные или мнимые преимущества перед объектом сравнения? Такая ситуация наблюдалась, в частности, во Франции Старого порядка в отношениях между дворянами и буржуа. Сейчас подобные коллизии повторяются в значительно большем масштабе. Так, «средние классы» Европы и США обнаруживают, что они не имеют былых привилегий (или они уже не приносят достаточно выгоды) по сравнению с мигрантами, цветными, женщинами и пр. Именно в пользу ранее дискриминируемых групп проводят компенсирующую политику. В то же время последние считают свое неудовлетворительное положение следствием сохраняющегося «структурного расизма», сексизма и иных явлений, к которым апеллируют разного толка интерсекционалисты. В любом случае обличение ресентимента становится обоюдоострым оружием, причем обе стороны могут найти обоснование у классиков.

Необходимо отметить, что концепция ресентимента, которую обе стороны используют в современной политической борьбе, является упрощенной рецепцией взглядов Ницше

и Шелера (что, впрочем, не редкость в таких случаях). Принципиально важно, что носителя ресентимента не рассматривают как полноценного психического и морального субъекта, с которым можно говорить на равных. Он всегда в той или иной степени ущербен и представляет собой отклонение от нормы – что бы ни считалось нормой в каждом конкретном случае – потому что его описывают как жертву самообмана насчет своих истинных намерений. Уличить другого в ресентименте, следовательно, означает поставить под сомнение его политическую субъектность, перенеся такого индивида в область психической патологии и моральной незрелости. Последнее означает, что оппонента лишают зрелой морально-психической субъектности, рациональности, адекватного представления об истинных собственных нуждах и интересах – набора признаков, необходимых для субъекта, который вступает в борьбу за власть на легальном поле. Соответственно, фактически применение ярлыка ресентимента исключает оппонента из области политического. В той же мере, в какой его использование взаимно, подавляется сфера политического в целом.

Ускользающий «компаратор»

Почему концепцию ресентимента на сегодняшний день не смогли монополизировать ни правые, ни левые? Потому что, в конечном счете, она отсылает к изменчивому образцу нормативности, происходящему от вымышленного ницшевско-шелеровского аристократа. В современном либерально-демократическом обществе на его место можно поставить разные социальные группы.

Ключевой в концепции ресентимента выступает проблема субъекта: «А судьи кто?». Где та социальная позиция, с которой можно изобличать в ресентименте всех остальных? Вопрос о субъекте представляет собой вопрос о норме. Показательно, что Ницше и Шелер его не обходят, но их ответ фактически является мистификацией: искомым субъектом становится мифологизированный аристократ, который выступает от имени естественного порядка вещей, природы, жизни и т. д. Собственно, в логике Ницше и Шелера появляется слепое пятно: игнорирование пронизанной ресентиментом природы отношений, царящих внутри реальной аристократии, и замена ее аристократией выдуманной. Такой мифический субъект находится вне современного социального порядка, он существует в царстве идей. Его положение – положение «нормы», которая никогда полностью не воплотится в реальности, но нужна реальным индивидам современного общества для сравнения. Выдуманный аристократ становится недостижимым ускользающим объектом для такого сопоставления. В то же время его образ представляют как достаточно прочно связанный с реальностью, поскольку он апеллирует к естественности, природе и жизни. Современную реальность в то же время описывают как следствие отклонения от истинной природы вещей, плод некоей психической, социальной, едва ли не органической болезни.

В дальнейшей эволюции представлений о ресентименте субъект конструируется в зависимости от потребностей разоблачителя ресентимента. Однако его не создают прямо, как то делали основоположники концепции, рисовавшие образ идеального аристократа. Его представляют как нечто само собой разумеющееся, как часть существующего нормативного порядка, результат здесь и сейчас сложившегося консенсуса. Вероятно, такое положение нормально для либерально-демократического, капиталистического общества, в котором данный субъект не имеет (по крайней мере, на уровне идеологии) четкой классово-привязки. Им выступает обобщенный «человек» с его «правами человека», под которыми в разные периоды под шапкой доминирующей и как бы неизменной в своих основах либеральной идеологии молчаливо подразумевали различное содержание. Сегодня,

например, искомым субъектом становятся представители межвоенного поколения мужчин без высшего образования, рабочего класса, религиозные белые европейцы, жители сельской местности с соответствующими консервативными ценностями. Завтра на то же место могут претендовать социальные группы из городских средних классов, социально-либерально ориентированные индивиды с «постматериалистическими ценностями», женщины, мусульмане, иммигранты, люди нетрадиционной сексуальной ориентации и т. д. [Norris, Inglehart 2019, 15–16]. Проблема заключается в том, что молчаливо подразумевают одно, а официально провозглашают другое понимание нормативности. Данная ситуация сама по себе порождает напряженность, ибо отсутствует понимание того, к какой именно норме отсылают говорящие о чужом ресентименте. Соответствуют ли они сами выбранному стандарту – и возможно ли такое соответствие в принципе? Данные вопросы тесно связаны с представлениями о подлинной природе реальности, которая и порождает то, что считается нормой. В исходной концепции ресентимента такой реальностью считают установленный самой природой и жизнью порядок вещей, который воплощен в институтах идеализированного сословного общества. Модерновое⁷ общество не имеет перед собой такой же четкой картины подлинной реальности, хотя в разное время получают влияние определенные идеологические конструкции, призванные таковую олицетворять. По наблюдению М. Торнтона, несмотря на то, что равенство между гражданами выступает нормой западного демократического либерального общества, «многие граждане не принадлежат к Обществу Равных... норма равенства в значительной степени была прерогативой нормативного гражданина, которого я называю эталонным человеком, потому что он является неизменным объектом для сравнения (comparator) в жалобах на дискриминацию. Этот эталон, как правило, англо-кельтский, трудоспособный, гетеросексуальный и средний класс, а также мужчина. Те, кого конституировали как Иных в силу этой нормы, не были полностью приняты в качестве граждан» [Thornton 2000, 8]. Иными словами, раньше в западных обществах⁸ еще существовал принимаемый по умолчанию «эталонный человек»-«компаратор» (хоть он и не дотягивал до ницшевского аристократа), однако его позиции с тех пор ощутимо пошатнулись, и он на своем опыте ощутил все прелести бытия в «текущей современности». Картина современного общества как минимум «двоится», если рассматривать ее как наложение нормативности «капитализма» на нормативность «демократии». Соответствие критериям гражданина не означает автоматического успеха на капиталистическом рынке. Между тем, и то, и другое необходимо для достижения эмоционального комфорта и исключения ресентимента. Картина усложнится еще больше, если к описывающим подлинную реальность идеологемам добавить идеологему самореализации человеческой личности⁹. В любом случае человек современного современного общества, в отличие от члена идеально-типического сословного общества по Ницше и Шелеру, имеет перед собой по меньшей мере три базовых образца нормативности только внутри национальной общности, не говоря уже об образе успешного человека-космополита глобального мира.

⁷ Модерное общество в данной статье понимается в самом общем смысле – как общество, которое появилось вследствие секуляризации, индустриализации, урбанизации, демократизации и либерализации, замещения сословий классами, развития капитализма и т. д.

⁸ Причем существовал такой «эталон» на протяжении весьма длительного периода, который по историческим меркам закончился совсем недавно.

⁹ Следует отметить, что данная идеологема, 1) в той или иной степени пронизывает представления об успешности во всех остальных сферах современного общества и 2) перекликается с изначальным представлением об аристократическом компараторе как об олицетворении жизненной силы, здоровой агрессии и подлинности бытия.

Заключение

Поскольку в современном обществе образ нормативного субъекта для сравнения столь расплывчат (а в своих истоках и вовсе мифологичен), любой реальный социальный субъект при сравнении с ним будет либо выглядеть отклонением, либо его можно будет без особого труда описать как такового – то есть как «человека ресентимента». Действительно, если суммировать сформулированные в русле концепции ресентимента «правые» и «левые» взгляды на современное общество, оно оказывается пропитанным ресентиментом сверху донизу. Взгляд, который обнаруживает ресентимент вне зависимости от своей политической ориентации, – это в своей основе взгляд субъекта, который стремится выступать с позиции «господина» и нормы. Проблема заключается в том, что его желание не может быть удовлетворено. Обличитель ресентимента, во-первых, на самом деле не является господином и, во-вторых, не может забыть, что, согласно нормам его общества, господином считать себя нельзя. Одновременно морально привилегированный статус жертвы¹⁰ выступает слабым эквивалентом «господина» как олицетворения нормы. Иными словами, в современных, все еще христианских в своей культурной основе обществах статус жертвы традиционно высок. Свидетельством тому становится практика и риторика политкорректности, упор на защиту от разных форм дискриминации, в целом стремление в ряде случаев выставить себя жертвой угнетения и несправедливости даже там, где на это нет весомых оснований. В данном контексте жертву несправедливости и дискриминации можно рассматривать как частичный эквивалент господина – она не обладает его социальным статусом, но имеет высокий моральный статус. Самое главное, что она может позиционировать себя как обладателя истинной рациональности, которая не обманывает себя и других по поводу своего настоящего положения и намерений. Соответственно, обличаемые ею в ресентименте лгут себе и другим, когда говорят, что не являются, например, расистами или сексистами. Однако обличитель ресентимента способен разглядеть их действительный «системный расизм» или такой же сексизм. По сути, упрек в ресентименте «слева» означает в этом контексте обвинение в неспособности стать жертвой, а не притвориться ею, как нередко бывает. «Правый» носитель ресентимента оказывается субъектом, который неспособен полностью и искренне перейти на позицию жертвы, из-за чего он стремится сохранить свой привилегированный статус путем обмана и самообмана.

Так или иначе, потребность если не быть, то выглядеть господином влечет за собой стремление получить статус жертвы – путь, которым идут как представители меньшинств, акцентирующих внимание на своей гендерной идентичности, так и представители правопопулистских течений. Подпытываемые данной практикой взаимные обвинения в ресентименте в лучшем случае приводят к воспроизводству «привилегий тупика», в котором свобода исчезает из-за ресентимента¹¹. Таким образом, в современном обществе нет зон, свободных от ресентимента, потому что последний выступает для него едва ли не главной «духовной скрепой». Он неустраним, поскольку все сравнивают себя со всеми и никто не

¹⁰ Как полагает Д. Бонди, ресентимент можно рассматривать как положительную силу в построении западной этики, по крайней мере, столь же важную, как и процесс поиска козла отпущения, а присущий ресентименту «виктимизм» можно интерпретировать как особую форму ресентимента, строго связанную с христианским учением. Bondi D. Victimism as the contemporary form of resentment. The paradoxically Christian roots of our culture's secular morality. *Dialegethai*. Rivistatelematica di filosofia [on line], vol. 23. 31.07.2022. (<https://mondodomani.org/dialegethai/>).

¹¹ Bassi C. On Identity Politics, Ressentiment, and the Evacuation of Human Emancipation. *Academia.edu*. (https://www.academia.edu/25767467/On_Identity_Politics_Ressentiment_and_the_Evacuation_of_Human_Emancipation_Final_Draft_).

может служить олицетворением нормы. Реальную «норму» современного современного общества представляют скорее как нечто объективно существующее, но не желательное и не привлекательное. Ее видят как серую обыденность и «обычность», от которой должен бежать человек, если он хочет развить в себе некоторую уникальность и стать «успешным» с точки зрения как многочисленных «коучей», так и неолиберальных и близких к ним идеологов. Однако – именно в силу своего негативного характера – такая «норма» и становится необходимым условием для пронизывающего все ressentiment.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Диденко П.И. (2012) Ресентимент либеральной интеллигенции // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7. Философия. № 3. С. 79–85.
- Ницше Ф. (1990) К генеалогии морали // Сочинения в 2 т., т. II. М.: Издательство «Мысль». 829 с.
- Прокофьев А.В. (2013) Справедливость и ресентимент (заметки на полях «К генеалогии морали» Ф. Ницше) // Этическая мысль. № 13. С. 175–198.
- Шелер М. (1999) Ресентимент в структуре моралей. СПб: «Наука», Университетская книга. 231 с.
- Скрутон Р. (2021) Дураки, мошенники и поджигатели. Мыслители новых левых. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 440 с.
- Хиршман А. (2010) Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 208 с.
- Balázs K. (2021) Double Ressentiment: The Political Communication of Kulturkampf in Hungary // Politics and Governance. Volume 9. Issue 3. Pp. 227–236.
- Capelos T., Demertzis N. (2022) Sour Grapes: Ressentiment as the Affective Response of Grievance Politics, Innovation // The European Journal of Social Science Research. Vol. 35. Pp. 107–129.
- Jaeggi R. (2019) Modes of Regression: The Case of Ressentiment. Forthcoming // In: Critical Times: Interventions in Global Critical Theory. DOI: 10.1215/26410478-10030204. (<https://hscif.org/wp-content/uploads/2018/04/ShortfinalRessentimentRegression2019.pdf>).
- Kelly C. R. (2020) Donald J. Trump and the Rhetoric of Ressentiment // Quarterly Journal of Speech. No. 106. Pp. 2–24
- Norris P., Inglehart R. (2019) Cultural Backlash. Trump, Brexit and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.
- Oudenampsen M. (2018) The Return of Ressentiment // In: The Polemics of Ressentiment. London: Bloomsbury Publishing Plc. Pp. 167–187.
- Salmela M., von Scheve C. (2018) Emotional Dynamics of Right- and Left-Wing Political Populism // Humanity & Society. Vol. 42.No. 4. Pp. 434–454.
- Thornton M. (2000) Neo-Liberalism, Discrimination and the Politics of Ressentiment // Law in Context. Vol. 17. Pp. 8–27.

REFERENCES

- Balázs K (2021) Double Ressentiment: The Political Communication of Kulturkampf in Hungary. *Politics and Governance*. vol. 9, issue 3, pp. 227–236.
- Capelos T., Demertzis N. (2022) Sour Grapes: Ressentiment as the Affective Response of Grievance Politics, Innovation. *The European Journal of Social Science Research*. vol. 35, pp. 107–129.
- Didenko P.I. (2012) Resentiment liberal'noj intelligencii [Ressentiment of the Liberal Intelligentsia]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Serya 7. Filosofiya*. no. 3, pp. 79–85.

- Hirshman A. (2010) *Ritorikareakcii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost'* [The Rhetoric of Reaction. Perversity, Futility, Jeopardy]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vyshej shkoly ekonomiki. 208 p.
- Jaeggi R. (2019) Modes of Regression: The Case of Resentment. Forthcoming. In: *Critical Times: Interventions in Global Critical Theory*. DOI: 10.1215/26410478-10030204. (<https://hscif.org/wp-content/uploads/2018/04/ShortfinalResentmentRegression2019.pdf>).
- Kelly C. R. (2020) Donald J. Trump and the Rhetoric of Resentment. *Quarterly Journal of Speech*. no. 106, pp. 2–24.
- Nicsh F. (1990) K genealogii morali [On the Genealogy of Morality]. In: *Sochineniya. vol. 2*. Moscow: Izdatel'stvo «Mysl'». 829 p.
- Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash. Trump, Brexit and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press. 540 p.
- Oudenampsen M. (2018) The Return of Resentment. The Polemics of Resentment. London: Bloomsbury Publishing Plc. Pp. 167–187
- Prokof'ev A.V. (2013) Spravedlivost' i resentment (zametki na polyah «K genealogii morali» F. Nicsh) [Justice and Resentment (Marginal Notes on F. Nietzsche' On the Genealogy of Morality)]. *Eticheskaya mysl'*. no. 13, pp. 175–198
- Salmela M., von Scheve C. (2018) Emotional Dynamics of Right- and Left-Wing Political Populism. *Humanity & Society*. vol. 42, no. 4, pp. 434–454.
- Sheler M. (1999) *Resentiment v structure moralej* [The Resentment in the Structure of Morals]. Saint-Petersburg: «Nauka», Universitetskaya kniga. 231 p.
- Skruton R. (2021) *Duraki, moshenniki i podzhigateli: Mysliteli novyh levyh* [Fools, Frauds and Firebrands. Thinkers of the New Left]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. 440 p.
- Thornton M. (2000) Neo-liberalism, Discrimination and the Politics of Resentment. *Lawin Context*. vol. 17, pp. 8–27.

Информация об авторе

Фишман Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: lfishman@yandex.ru

About the author

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow, Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of RAS). Address: 620108, Yekaterinburg, st. Sofia Kovalevskoy, 16. Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru

Статья поступила в редакцию/ Received: 9.11.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 27.01.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 15.02.2023